

Шерцль Викентий Иванович

**Личные местоимения в
санскритском языке и
сродные им формы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 811.111-26
ББК 81.2Англ
В43

В43 **Викентий Иванович Ш.**
Личные местоимения в санскритском языке и сродные им формы / Шерцль
Викентий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 117 с.

ISBN 978-5-521-31044-9

ISBN 978-5-521-31044-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗНАЧЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ МѢСТОИМЕНІЙ.

I. Въ развитіи языка можно различать два періода: первый представляетъ понятія, относящіяся исключительно къ чувственному міру, во второмъ начинается уже образованіе отвлеченныхъ понятій. Выраженія, относящіяся къ 2 категоріи, могли только происходить при помощи словъ перваго разряда. Для обобщенія понятія слѣдовало выставить сообразный типъ нѣкоторыхъ специальныхъ, но между собою сродныхъ представленій. Такъ напр. слово «читать» выражаетъ собственно «собирать» (—слоги) и соответствуетъ Санскр. चि *çi*, подобно какъ Нѣм. *lesen* соответствуетъ Лат. *legere* въ смыслѣ *col-ligere*; Евр. קָרָא *kârâ* въ первомъ значеніи выражаетъ «кричать» — по корню *kr*—Русск. «крикъ, карк-ать» и под.—и только изъ этого понятія развилось значеніе «читать». Евр. קָזַב *kâzab* собственно значить «лгать, связывать» а въ переносномъ смыслѣ «лгать», Нѣм. *trug spinnen* срав. и Греч. *μύθος ὑφαίνειν*, Китайск. 手丁花 *tà hoa* лгать» выражаетъ собственно «бить цвѣтки» и пр.

Къ отвлеченнымъ понятіямъ, происходившимъ на подобномъ основаніи, принадлежатъ и мѣстоименія, особенно личные. Они представляютъ и замѣняютъ существительное имя, придавая ему какъ нельзя больше личное значеніе. Въ нихъ выражается сознаніе собственной личности, и изъ способа, которымъ они выражаются въ разныхъ языкахъ, съ правомъ можно заключить о степени развитія социальныхъ отношеній у тѣхъ народовъ, которые говорили на этихъ языкахъ. Нельзя однако предполагать, чтобы несоразмѣрное развитіе мѣстоименій—особенно личныхъ, служило мѣриломъ большаго или меньшаго образованія и развитія народа. Въ началѣ образованія и развитія языка, является часто большая неопредѣленность понятій и формъ, и въ слѣдующемъ послѣ того очищеніи и упрощеніи ихъ, не всегда

соблюдается тотъ систематическій порядокъ, безъ котораго нельзя приступить къ положительнымъ выводамъ.

Возникаетъ вопросъ: какое же значеніе собственно имѣетъ высокая или низкая степень развитія мѣстоименій въ языкахъ? Очевидно развитіе языка должно быть въ какой нибудь связи съ виѣшней формой его мѣстоименій; однако это отношеніе не сохраняется соразмѣрно. Языка безъ всякаго развитія мѣстоименій нельзя себѣ представить; слишкомъ большое развитіе этой части рѣчи скоро ведетъ къ тому, что многія формы, считаемыя въ послѣдствіи излишними, отбрасываются или замѣняются другими, да и то не на долго, чтобы опять уступить простѣйшимъ формамъ. Общественныя, семейныя и государственныя отношенія всякаго отдѣльнаго лица опредѣляются, чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе: изобиліе формъ для личныхъ мѣстоименій исчезаетъ, такъ какъ съ развитіемъ общественной жизни человѣкъ приходитъ къ ясному познанію своей личности. По этому мы не находимъ въ новѣйшихъ развитыхъ языкахъ многообразныхъ формъ для мѣстоименій; они напротивъ представляютъ обыкновенно краткія выразительныя слова, даже обозначеніе рода во многихъ языкахъ вовсе не встрѣчается, въ другихъ же ограничивается однимъ или двумя лицами. (Въ Индо-Европейскихъ языкахъ, которыхъ самыми древними представителями считаются Санскр. и Зенд. языки, родъ различается только въ 3 лица; два первыхъ лица имѣютъ ту же форму для всѣхъ родовъ). Постоянное ихъ употребленіе вело далѣе къ сокращенію разныхъ формъ ихъ склоненій, что особенно часто встрѣчается въ нѣкоторыхъ Славянскихъ и во всѣхъ Романскихъ языкахъ. По этому значеніе мѣстоименій и взаимнаго ихъ отношенія къ другимъ частямъ рѣчи состоитъ въ томъ, что они являются представителями весьма важнаго направленія въ развитіи народа; далѣе они указываютъ на степень, которой достигъ народъ въ своемъ самопознаніи и въ общежительности, и отчасти они и характеризуютъ нравственное его направленіе. Такіе выводы можно конечно дѣлать только тамъ, гдѣ значеніе мѣстоименій въ ихъ первоначальной формѣ представляется еще яснымъ. Для рѣшенія этого вопроса надо принимать въ соображеніе способъ образованія мѣстоименій. Личныя мѣстоименія являются основными для всѣхъ остальныхъ.

II. Какое бы первое обозначеніе личныхъ отношеній ни было, можно сказать положительно, что первые опыты къ достиженію этой цѣли не отличались большою отчетливостію. Какъ вообще періодъ первоначальнаго развитія языковъ покрытъ непроницаемымъ мракомъ, не-

доступнымъ даже отдаленнымъ догадкамъ, какъ начало всякой литературы, кодификаціи и собранія первыхъ памятниковъ языка, являются въ весьма неопредѣленномъ свѣтѣ (срав. личность Греческаго пѣвца Гомера, Санс. законодателя Ману, Vālmīki мнимаго автора знаменитой эпопеи Rāmājana и пр. Смот. Wilh. von Humboldt Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues Berlin 1848 стр. 5—6), такъ и первое обозначеніе личности своей или чужой, было весьма затруднительно и неудовлетворительно. Какимъ образомъ приступилъ человѣкъ къ рѣшенію этой задачи? Едвали можно предположить, что онъ прибѣгнулъ сначала къ отвлеченнымъ понятіямъ, потому что въ то время онъ не воплотилъ еще даже обладать небольшимъ количествомъ конкретныхъ понятій. Нельзя же себѣ представить отвлеченныхъ выраженій безъ предшествующихъ, соотвѣствующихъ имъ коренныхъ словъ. Изъ праѣтики развивается теорія, изъ конкретного понятія отвлеченное а не на оборотъ. Какія понятія были доступны человѣку въ началѣ? Безъ сомнѣнія понятія окружающихъ его предметовъ только и составляли въ то время не большое количество доступнаго ему матеріала. Изъ этого то запаса онъ долженъ былъ непременно заимствовать выраженія для обозначенія личностей. Въ какомъ духѣ, и въ какой мѣрѣ онъ удовлетворилъ этой потребности, зависѣло отъ степени образованія, на которой онъ находился въ данный моментъ. Я оставляю здѣсь въ сторонѣ трудный вопросъ, развились ли языки изъ одного кореннаго языка или изъ нѣсколькихъ между собою болѣе или менѣе сродныхъ отраслей. Замѣчу только, что нельзя предположить одного и того же основанія, при развитіи разныхъ семействъ языковъ и ихъ отдѣльныхъ отраслей. Понятно, что это не касается ихъ происхожденія. При выборѣ подходящаго выраженія для обозначенія личности, человѣкъ руководствовался, кромѣ своей собственной потребности, еще другими точками зрѣнія. Упомяну примѣрно одну изъ нихъ. Нуждаясь въ услугахъ другаго, онъ долженъ былъ обозначить его личность такимъ образомъ, чтобы этотъ, при свойственномъ всѣмъ людямъ самолюбіи, охотнѣе услужилъ ему. Вслѣдствіе этого обозначеніе личности другаго должно было содержать уваженіе, почтеніе и похвалу, а противоположно этому первое лицо обозначало себя выраженіями скромности, униженія и учтивости. Легко можно себѣ представить, отчего у разныхъ народовъ эти выраженія употреблялись съ примѣсю большей или меньшей вѣжливости, соразмѣрно степени ихъ самолюбія или самодовѣрія и отчего у нѣкоторыхъ встрѣчаются даже раболопныя формы.

Примѣры такого способа обозначенія встрѣчаемъ въ языкахъ, которые достигли очень небольшого развитія въ формальномъ отношеніи, или которые, хотъ и развивались постепенно въ другихъ направленіяхъ, однако оставили морфологическую часть матеріала почти нетронутою. Къ этимъ языкамъ принадлежатъ напр. Китайскій и Малайскій языки. Въ Кит. языкѣ встрѣчается для обозначенія перваго лица тоже выраженіе *siao žin*, буквально «малый человѣкъ», выраженіе, соотвѣтствующее нѣкоторымъ образомъ Нѣм. *meine wenigkeit*. Слово «малый» предполагаетъ очевидно уже извѣстное отношеніе къ другому лицу: вѣдь нѣтъ вещи, которая была бы сама по себѣ мала; это понятіе требуетъ непременно предшествующаго сравненія и оцѣнки другой вещи, или нѣкоторыхъ предметовъ вообще. Этому соотвѣтствуетъ выраженіе для 2 лица *tá žin* «большой человѣкъ», которое менѣе употребительно, и представляетъ учтивое обозначеніе втораго лица, подобно Англ. *Your Excellence, Your Highness* *). Кромѣ этихъ выраженій, употребляемыхъ въ настоящее время только съ ограниченіями, есть еще, особенно для втораго лица, большое количество перифразъ, замѣняющихъ прямое выраженіе мѣстоименія, и намекающихъ на первоначальное ихъ обозначеніе, такъ напр. *laò sīān seŋ* «старикъ прежде рожденный», выражающее второе лицо. *Laò* «старикъ» служитъ здѣсь выраженіемъ учтивости, потому что ему, какъ болѣе опытному, или, по Китайскому воззрѣнію, раньше рожденному, слѣдуетъ оказывать и больше уваженія. Слову *sīān* «прежде, раньше» противоположно выраженіе *vān* «поздно» и по этому первое лицо обозначается тоже выраженіемъ *Vān seŋ* «поздно рожденный»—Я. Другія подобныя этому выраженія для втораго лица суть: *Laò jè* «старикъ отецъ», и *hiān čí* «мудрый другъ». Самымъ учтивымъ образомъ обозначается второе лицо выраженіемъ *čün kiā* «благородный возница», при чемъ слово *kiā* означающее собственно возницу равносильно слову «властелинъ, государь». Подобно этому употребляетъ и Японскій языкъ для перваго лица слов. *guşò* собств. «я недостойный», особенно тогда, когда обращаются къ священнику (бонзу).

Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, какимъ образомъ первое воззрѣніе человѣка на свои общественныя отношенія, влияло на обозначеніе отдѣльныхъ лицъ. Нельзя было обозначать эти лица отвлеченными или даже сокращенными выраженіями, о личномъ отношеніи мѣстоименій къ глаголу въ то время тоже не могло быть рѣчи. Человѣкъ выражался какъ ребенокъ, не пришедшій еще къ познанію

*) Срав. R. Morrison, Dictionary of the Chinese language, London 1865, Vol. I, стр. 434.

своей личности, онъ говорилъ про себя въ третьемъ лицѣ. Малайскій языкъ, имѣющій въ грамматическомъ отношеніи преимущество передъ Китайскимъ, представляетъ намъ въ своихъ благозвучныхъ формахъ для обозначенія двухъ первыхъ личныхъ мѣстоимѣній типы, не менѣе замѣчательные. Первое лицо между проч. обозначается тоже словами **amba** **بيت** *bêta* и **pâtek** **فانك** — я. Первое слово значитъ «слуга», второе и третье, кромѣ «слуга» особенно еще «рабъ». Срав. глаг. **برهيب** *ber-amba* «служить» Санс. **आम्ब** *amb* «итти, ходить» Лат. *amb-ul-are* [**ber** — можно срав. съ Санс. **परि** *pari* Греч. *περι*—]. Съ Мал. **بيت** *bêta* срав. Санс. **वेतन** *vêtana* и **वेचा** *vêçâ* «жалованье, плата», послѣднее же слово, **pâtek** «рабъ», можно сравнить по происхожденію, съ Санс. **पातक** *pâta* «грѣхъ, упадокъ», такъ что по этому слово «рабъ» равносильно слову «упадшій». Не менѣе выразительно и разнообразно обозначеніе втораго лица, служащее выраженіемъ большой учтивости, въ противоположность выраженію покорности и подострастія, характеризующему первое лицо. Эти выраженія слѣдующія: **kâmu** **توان** *tûan* и **rakantra** **فكنير**. *Kâmu* значитъ «любимый» и соотвѣтствуетъ по формѣ и значенію Санс. **कान्त** *kânta*. *Tûan* собственно значитъ «хозяинъ, властелинъ» и производится отъ Санс. **त्वम्** *tvam*. *Rakantra* же находится въ связи съ Санс. **भाग** *bhâga* «счастіе» (вслѣдствіе взаимной перемѣны гортанныхъ и губныхъ звуковъ). Здѣсь ясно просвѣчиваетъ ближайшее отношеніе двухъ первыхъ лицъ между собою.

На этомъ основаніи не трудно объяснить себѣ способъ образованія мѣстоимѣній. Примѣровъ здѣсь приведенныхъ достаточно. Нѣтъ причины предполагать, чтобы при тѣхъ же условіяхъ, могъ возникнуть другой способъ образованія этой части рѣчи. Можетъ только возникнуть вопросъ, шло ли образованіе мѣстоименій одинаково у самыхъ разныхъ народовъ. На этотъ вопросъ можно отвѣтить слѣдующее: обстоятельство, обуславливающія развитіе всякаго самостоятельнаго существа, могли быть различны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но главныя условія не могли значительно уклоняться одно отъ другаго.

Здѣсь мы подходимъ къ другому вопросу, именно вопросу, произошли ли языки изъ одного кореннаго языка или нѣтъ. Не вдаваясь въ рѣшеніе этого вопроса въ этомъ мѣстѣ, могу здѣсь только замѣтить, что, не смотря на большія различія языковъ между собою, они все-таки сохраняютъ единство общаго имъ всѣмъ организма. Отчего

не могли мѣстоименія образоваться на одномъ же основаніи, если причины, ускорявшія или замедлявшія ихъ развитіе, были вездѣ одинаковы? Между языками, существующими въ настоящее время, была бы большая разница и въ томъ случаѣ, если бы только два или три столѣтія тому назадъ, говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Положеніе народа, общественныя его учрежденія и установленія, его воззрѣнія на жизнь, климатъ и нравственный его характеръ, дѣйствуютъ какъ нельзя больше на развитіе его языка. Отсюда и столь большая разница между языками. Вездѣ человѣкъ нуждался въ выраженіяхъ для обозначенія мѣстоименій, и вездѣ тѣ же причины принуждали его создать себѣ выраженія удовлетворяющія этой потребности. Предполагать, чтобы одному при одинаковомъ органическомъ развитіи не доставало того, чѣмъ другой владѣлъ свободно, значить выставять разницу тамъ, гдѣ ея собственно нѣтъ. Даже тѣ языки, которые обыкновенно считаются очень недостаточными для выраженія мыслей, отвлеченныхъ понятій или высокаго слога, заслуживаютъ не рѣдко такого же вниманія, какое посвящается другимъ болѣе развитымъ языкамъ. Такъ особенно это можно сказать относительно Китайскаго языка, языковъ Американскихъ и Африканскихъ *). Это же мы должны имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о мѣстоименіяхъ. Нынѣшнія ихъ формы представляютъ видъ, сокращенный до такой степени, что безъ посредствующихъ, древнѣйшихъ формъ, часто совсѣмъ невозможно добиться способа ихъ первоначальнаго образованія и разложить ихъ на элементы, изъ которыхъ онѣ составлены. Такъ это замѣтно и въ Санск. языкѣ. Хотя этотъ языкъ очень древній, но видъ, въ которомъ онъ намъ является, далеко не похожъ на организмъ языка, находящагося на первой степени своего развитія. Мѣстоименія представляютъ уже совершенно органическое цѣлое съ законченнымъ развитіемъ; въ нихъ уже преобладаетъ чистая отвлеченность и формы языка достигли самаго большаго усовершенствованія. Тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣчаются въ мѣстоименіяхъ два замѣчательныхъ явленія. Не рѣдко встрѣчается **अयम् जनः** «*ajam gānaḥ*» какъ обозначеніе перваго лица, которое собственно значить «этотъ человѣкъ». Очевидно значеніе этого выраженія не указываетъ на особенное превосходство лица употребляющаго его: въ большинствѣ случаевъ лицо, обозначающее себя такимъ образомъ, находится въ жалкомъ, сожалѣнія достойномъ поло-

*) Сравни. W. Humboldt, Über Verschiedenheit des menschl. Sprachbaues стр. 565—566, H. Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, Berlin 1860. стр. 107 и слѣд..

женіи, или печальномъ настроеніи духа. [Кит. «siao zin»]. Срав. «anīśajatahṛdajastāvatanukampjātām ajañ ḡanaḥ» «имѣи сожалѣніе ко мнѣ, котораго сердце мучимо раскаяніемъ» [Sakunt. изд. Böhtlingk. стр. 85] «anāthasja ḡanasjāsja durbalasja tapasvinaḥ jo gamiḥ saganam čāsīt» «который былъ мѣстомъ приближенца *мнѣ*, оставленному, слабому, мучимому» [Rāmājana, изд. Schlegel. Bonn. 1846. Lib. II. Cap. 41 Sl. 2 стр. 88] Sakhe Maitreja Vasantasenādarsanotsuko 'jan ḡanaḥ» «приятель Майтрея, страстно желаю видѣться съ Васантасеною» (Mrčchakath. Edid. A. F. Stenzler Bonnæ 1846 стр. 111) и пр. Сюда принадлежит и Греч. ὁ δὲ ἀνὴρ—«тотъ человѣкъ, этотъ мужъ», выражающее тоже болѣе подобострастіе, чѣмъ чувство гордой независимости. Съ другой стороны встрѣчается какъ будто соотвѣственно съ выше упомянутымъ ajañ ḡanaḥ для втораго лица учтивое выраженіе भगवन् bhagavan, «Вы» собственно, «Вы счастливый, благословенный» [человѣкъ] и пр. Это по формѣ звательный падежъ отъ भगवत् bhagavat «счастливый, одаренный» отъ корня भग् bhaga «покровитель, одаривающій, надѣляющій», древ. Перс. *baga* отсюда и Слав. «богъ». Bhagavan употребляется гораздо чаще чѣмъ ajañ ḡanaḥ; оно собственно выражаетъ почтеніе и дѣйствительное уваженіе, сопряженное съ учтивостію, но не смотря на это встрѣчаемъ его тоже какъ выраженіе одной учтивости безъ особеннаго уваженія [Срав. напр. Vagrasūčī соч. Āsvaghoṣa изд. Wilkinson 1839 Введение]. Отъ этого выраженія произошли еще другія, обозначающія собственно тоже уваженіе, но потерявшія съ теченіемъ времени первоначальное значеніе: अत्रभवत् atrabhavat и तत्रभवत् tatrabhavat; они относятся къ третьему лицу и употребляются всегда съ примѣсю какой-то учтивости. Ихъ корень भवत् bhavat भवन् bhavant, служитъ учтивымъ выраженіемъ для втораго лица. Въ этимологическомъ отношеніи, эти слова производятся отъ нарѣчій atra и tatra «здѣсь, тамъ», и корня глагола bhū «быть», слѣдов. собственно «тамъ находящійся». И эти выраженія принадлежать болѣе древнѣйшимъ періодамъ: въ новѣйшемъ періодѣ замѣняютъ ихъ уже обыкновенно сокращенныя слова. Эти послѣднія формы Санск. языка, опредѣляютъ развитіе формы и значенія мѣстоименій. Нельзя было ожидать, чтобы человѣкъ, при постоянномъ употребленіи этихъ выраженій, не терялъ изъ виду ихъ настоящаго значенія: ихъ развитіе напротивъ ведетъ къ ослабленію слишкомъ конкретныхъ понятій и приданію имъ болѣе отвлеченнаго значенія, или къ измѣненію ихъ формъ, иногда до такой степени, что

вовсе невозможно распознать въ нихъ первоначальные элементы. Такъ Кпт. *tá zin* употребляется для втораго лица безъ того особеннаго ударенія, которое соотвѣтствуетъ его настоящему значенію: такъ и Исп. *Usted* изъ *Vuestra Merced* «Ваша Милость» Польс. *pan*—господинъ Румунс. *domniata* и пр.

Образованіе мѣстоименій произошло по этому на основаніи существительныхъ именъ, къ которымъ еще нерѣдко присоединяется прилагательное, ограничивающее и опредѣляющее значеніе. Глагола собственно этотъ вопросъ не касался. Эта часть рѣчи здѣсь — собственно говоря — не произвела никакого вліянія на мѣстоименіе, но наоборотъ въ окончаніяхъ глагола является вліяніе личныхъ мѣстоименій. Въ мѣстоименіяхъ также не являются тѣ три фактора, которые по мнѣнію Штейнтала обнаруживаются въ дѣятельности разговорнаго языка и его отдѣльныхъ частяхъ [Н. Steintal. *Über den Ursprung der Sprache* Berlin 1851, стр. 23] а именно: 1) содержаніе мыслей 2) звукъ — осуществленіе мысли 3) внутренняя форма языка или особенный способъ этого осуществленія. Въ началѣ развитія возможно было еще полагать въ личныхъ мѣстоименіяхъ, кромѣ одного звука, какое-то содержаніе мысли, хотя это исчезло очень скоро и остался только механический звукъ безъ всякой относительной мысли; но трудно себѣ представить, что онъ подразумѣваетъ подъ внутренней формой языка, и еще труднѣе представить себѣ, что собственно значить внутренняя форма языка. Это явно *contradictio in terminis*: ибо форма не относится къ внутреннимъ качествамъ. Даже въ дѣломъ предложеніи можно различать только двѣ отдѣльныя части: 1) содержаніе и 2) форму представляющую это содержаніе въ опредѣленномъ видѣ. Далѣе Штейнталь говоритъ, что языкъ принадлежитъ всеобщему «Я», что всякій говоритъ на своемъ языкѣ и понимаетъ свой языкъ, потому что всякій содержитъ всеобщее въ своемъ особенномъ «Я»; но въ такомъ случаѣ можно спросить, въ чемъ явилось въ началѣ развитія это всеобщее «Я» и какимъ образомъ дѣйствовало оно при образованіи мѣстоименій, гдѣ напротивъ мы видимъ прямо противоположное этому. Въ началѣ развитія, человѣкъ смотрѣлъ только на свои особенныя отношенія къ другимъ; о всеобщей точкѣ зрѣнія, здѣсь не могло быть рѣчи. Гораздо вѣрнѣе и точнѣе опредѣляетъ В. Гумбольдтъ двойное дѣйствительное значеніе слова, которое ясно обнаруживается въ первоначальной формѣ мѣстоимѣній *). По его мнѣнію, съ обыкновеннымъ обо-

*) Справ. *Über Verschiedenheit des menschl. Sprachbaues*, стр. 122.

значеніемъ слова, бываетъ сопряжена какая-то субъективная дѣятельность, исходящая сначала отъ одного говорящаго, и получившая съ теченіемъ времени вслѣдствіе обобщенія значеніе всеобщей идеи. Этимъ Гумбольдтъ обозначаетъ способъ развитія всеобщихъ понятій изъ особенныхъ, и весьма ограниченныхъ сферъ, изъ сферъ, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ развивающееся мѣстоименіе; его развитіе было медленно, но не останавливалось: разъ определенное сдѣлавшись всеобщимъ выраженіемъ, оно было почти что недоступно дальнѣйшимъ перемѣнамъ; только рѣдко въ нѣкоторыхъ языкахъ является исключительное положеніе мѣстоименій, какъ наприм. въ Малайск., Венгер. яз. и пр.

Изъ этого бѣлаго всеобщаго взгляда на значеніе и образованіе мѣстоименій, можно вывести слѣдующіе принципы:

I. Мѣстоименія не представляютъ такъ называемыхъ неподвижныхъ типовъ языка, производство которыхъ отъ разныхъ корней глаголовъ должно оставить съ самаго начала. (Противоположное этому мнѣніе Боппа срав. *Kritische Grammatik der Sanskr. Sprache* стр. 73).

II. Ихъ первоначальное основаніе образуютъ существительныя имена вмѣстѣ съ прилагательными, безъ непосредственнаго участія глаголовъ.

III. Большее или меньшее ихъ развитіе въ отдѣльныхъ языкахъ, никакъ не основывается на богатствѣ языка или его грамматическихъ формъ, но касается только его возрѣній на особенныя отношенія и способа выраженія ихъ; въ нихъ ясно отражаются дружескія отношенія или равнодушное, или презрительное другъ съ другомъ обхожденіе.

IV. Всякое дальнѣйшее развитіе мѣстоименій прекращается при определенномъ кругѣ понятій, когда, такъ сказать, всякому отдѣльному лицу назначается его положеніе въ обществѣ; мѣстоименія въ этомъ періодѣ развитія представляютъ уже окаменѣлыя формы, носящія болѣе или менѣе ясные слѣды предшествующихъ перемѣнъ.

ЛИЧНЫЯ МѢСТОИМЕНІЯ.

I ЛИЦО.

Основаніе этого сравнительнаго изслѣдованія служитъ Санскритскій языкъ, однако не по той причинѣ, чтобы онъ былъ источникомъ тѣхъ языковъ, которые мы обозначаемъ именемъ Индо-Европейскихъ, но потому, что въ этомъ языкѣ можно выслѣдить лучше, чѣмъ въ остальныхъ ему сродныхъ, развитіе грамматическихъ формъ, словъ и значеній. Его внутреннее устройство открывается намъ съ большой отчетливостію; здѣсь можемъ мы, по крайней мѣрѣ, добратъ-ся еще до корней и объяснить большое количество словъ, составляющихъ матеріалъ языка, и такимъ образомъ получаемъ ключъ къ объясненію сродныхъ ему языковъ, гдѣ, вслѣдствіе болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія, внутренней связи нельзя открыть, ибо органическія перемѣны захватили самый корень языка.

По этой причинѣ Санскритскій языкъ занимаетъ столь важное мѣсто въ сравнительномъ языкознаніи. Нельзя однако производить Славянскихъ, Романскихъ или Германскихъ корней прямо отъ Санскр. языка: этотъ языкъ не источникъ, а сама отрасль потерявшагося кореннаго языка, котораго формы можно иногда сообразить, часто и угадать, но который никакъ не могъ быть развитымъ до такой степени въ своихъ грамматическихъ формахъ, какъ Санскр. языкъ *). Изъ древне-Индійскаго кореннаго языка, образовались отрасли, которыя потомъ сами служили основаніемъ другимъ языкамъ, очень сроднымъ между собою. Одинъ изъ этихъ второстепенно-коренныхъ языковъ есть Санскритскій языкъ, служившій самъ основаніемъ для многочисленныхъ нарѣчій Индіи; отъ другаго изъ этихъ языковъ произошелъ коренной

*) Cp. Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik der Indo-Germanischen Sprachen, Weimar, 1866, стр. 8.